Новые Известия. – 2001. – 28 июня. – с. 7.

Один из миллиона

Чеховский МХАТ помянул военнопленного Воропаева

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

ИТАР-ТАСС

«Больно. В 23 года старик...».

Сергей Воропаев умер в Германии весной 45-го, за полтора месяца до Победы. В лагере он провел около трех лет, поскольку в плен попал быстро, так толком и не повоевав. Было Воропаеву на момент его чахоточно-голодной смерти двадцать четыре года.

От Сергея Воропаева остались дневники. Когда война закончилась, их передали отцу, Воропаеву-старшему, а уж потом эти тетрадочки стали достоянием гласности. Текст попался на глаза Олегу Табакову и потряс его до глубины души. С тех пор Табаков носится с идеей переписать дневники в пьесу, а пока, к шестидесятой годовщине Великой Отечественной Катастрофы, молодые мхатовские студийцы под руководством своего педагога Марины Брусникиной собственными силами подготовили нечто вроде литмонтажа для Малой сцены.

Семь ребят и десять девочек предельно просто, по очереди читают кусочки из дневника военнопленного Воропаева. То есть ребята – из дневника, а девочки из писем. Женских писем на фронт, в каждом из которых заклинание: «Почему не отвечаешь? Почему молчишь?!». Миллион сергеев воропаевых «молчали» в нацистских рудниках. Не считая нескольких миллионов, замолчавших навсегда еще в пути, – тех, кто совершил успешный побег на небеса прямо из задраенных вагонов...

Мхатовские студийцы – ровесники Воропаева. На то и рассчитан был трогательный эффект: благополучная здоровая молодежь, кровь с молоком, произносит странные слова про голод, холод, боль и приближающуюся развязку. Крепкие парни стыдливо признаются в неутраченной девственности. Поколение ПП (ПостПепси) упоминает непонятный брюквенный бульон и измеряет хлеб граммами... Чистенькие, хорошенькие, ухоженые проклинают блох... И поют совсем несовременные песни – от жалостливого фронтового фольклора до финального, слезу вышибающего вальса «На сопках Маньчжурии»...

Поначалу поражает одно: как долго человек остается человеком, не превращается в животное. Сколько, оказывается, он способен вынести – даже удивительно. Дневник Сергея Воропаева – это симфония голода, однако говорится там не только о еде, хотя все время о еде. Еще – воспоминания (отец, мама, брат, таинственная Маруся), рассуждения о философии и литературе (настолько взрослые, что иногда даже смешно, и зал улыбается их важной наивности), и главное – отчаянная досада за нарушенные планы, за испорченную жизнь. Пленный Воропаев поздравляет сам себя с разнокалиберными домашними праздниками (Седьмое ноября, Новый год, Пасха, Первое мая) и ждет даже не победы – просто окончания войны. Впрочем, дотяни он до этого радостного события, вполне мог бы продолжить свой дневник на другом краю света, уже в ином, коммунистическом, лагере...

Спектакли о войне теперь чрезвычайно редки, но зато в каждом из них, начиная со «Сталинградской битвы» Резо Габриадзе, звучит упрямая мысль: война – это лишнее. И без нее проблем хватает. Вот женщины – усталые, истосковавшиеся, а то вдобавок и беременные – в письмах своих на фронт ухитряются и ревновать, и упрекать, и дуться, и обижаться. Женщина всегда остается только женщиной. Причем основную часть своей нелегкой жизни, вне зависимости от международной обстановки, она обязательно проводит в условиях войны. Добровольно или по принуждению, вечно разлетаются куда-то наши любимые, а нам остается хрестоматийный текст: «Где ты сейчас? Почему молчишь?! Как хочется к тебе прижаться...».

Дневниковые записи становятся все лаконичнее и звучат с каждой минутой тише – Воропаев фиксирует собственное умирание, совпавшее с агонией лагеря.

Слухи о наступлении советских войск. Приближаются разрывы – начинаются расстрелы. Мороз в бараках. Полтора килограмма хлеба за месяц. Первый случай людоедства (правда, без насилия – кто-то добрался до трупа в больничном холодильнике).

И снова душа скована удивлением: во-первых, по поводу образного литературного языка – дневник написан так художественно, что временами сомневаешься в его документальности. Вторая загадка – мужество, с каким двадцатичетырехлетний мальчик встречает смерть – не скорую, легкую, лихую, а долгую, неминуемую, мучительно ожидаемую. Только к финалу становится ясно, что Сережа Воропаев в юношеском тщеславии лелеял надежду дневники свои опубликовать, и смерть его в каком-то смысле была «на миру», несмотря на полное одиночество.

А мечта военнопленного Воропаева все-таки сбылась.